

Кулькова Н.В.

*« ... прошлое смеётся и грустит,
а злоба дня размахивает палкой».*
Б. Пастернак

ПРОГУЛКИ С Я.М. КОЛОТЫРКИНЫМ

Мои прогулки с Яковом Михайловичем Колотыркиным (в дальнейшем Я.М.) относятся 1943-45гг., когда я училась в аспирантуре Физико-химического института им. Л.Я. Карпова. Почему и как я там оказалась? Начну издалека. В то время (тридцатые годы) мы жили в железнодорожном доме №27 по Садово-Черногрязской ул. (потом ул. Чкалова). Я и мой брат учились в школе №330 в Б. Казенном пер. (теперь пер. Гайдара). У нас в школе был замечательный учитель химии – Дмитрий Александрович Успенский, я была у него лаборантом: помогала готовить химический кабинет к практическим занятиям по химии. Учитель знал, что мне нравится химия, и посоветовал пойти в Политехнический музей, где работала «станция юных техников», и записаться в химический кружок. Так в течение 3-х лет (1936-38гг.) – 8-ой, 9-ый и 10-ый классы я с удовольствием работала в этом кружке и за хорошую работу была награждена грамотой и лыжным байковым костюмом.

Помню себя очень счастливой, идущей домой с пробиркой, в которой плавали кристаллы «алхимического золота», чтобы показать отцу. Мой отец хорошо знал старую Москву и ходил со мной гулять по «проулка». Оказавшись на Воронцовом Поле, он

показал мне красивое здание с мемориальными досками, на которых были написаны высказывания о химии М.В. Ломоносова и Д.И. Менделеева. Отец мне тогда сказал: «Вот окончишь школу, потом университет и пойдешь сюда работать, институт хороший и от дома близко». На выпускном экзамене писала сочинение на тему: «За что враги убили Горького».

Окончила школу в 1938г. с «золотым аттестатом». Тогда золотых медалей еще не было, и отличникам выдавали аттестат с золотой каёмочкой. В вестибюле школы №330 висит мраморная доска с фамилиями отличников, я в их числе. А на другой мраморной доске фамилии учеников, погибших во время Великой Отечественной войны 1941-45гг., и там фамилия моего родного брата Александра, убитого 6-ого мая 1945г. К началу войны я сдала экзамены за 3-ий курс химфака МГУ. (Поступила я без экзаменов, прошла лишь собеседование; проф. Пржевальский – декан химфака попросил написать уравнение реакции взаимодействия металлической меди с концентрированной и разбавленной азотной кислотой). Самый трудный экзамен по физической химии сдавали мы А.В. Раковскому. Наш курс был последним, кому он читал лекции. Вскоре он умер.

Война ... Студентов ребят призвали в армию. Белобилетников отправили под Смоленск копать окопы, студенток направили работать кондукторами трамваев, в госпитали. Меня направили на военный завод литер «А» лаборантом. На заводе варили сталь для танков, в ее состав входит кобальт, но кобальтовые руды содержат мышьяк, который делает сталь хрупкой. Проблема – очистка от мышьяка и определение его малых количеств. Вечером мы собирались у химфака и получали задания проверять затемнение окон в домах Краснопресненского района.

15-ого Октября вернулись наши ребята: немцы уже подошли к Смоленску. 16-ого Октября собрали на химфаке студентов и объявили, что завтра будет эшелон для эвакуации в Ашхабад. Туда уже ушел эшелон с библиотекой и профессурой. Все должны явиться к 9 часам с вещами. Кто не поедет - отчисляется из МГУ без права поступления. Когда на следующий день мы с чемоданами пришли на химфак, нам объявили, что эшелона для студентов не будет. В Ашхабад надо добираться пешими группами! Мы (мой брат и друг С.Г. Энтелис) вернулись к нам домой. Родители посоветовали ехать в Саратов: там есть университет и родственники, у которых можно жить.

В те же октябрьские дни паники можно было взять по карточкам хлеб до конца месяца. Мама насушила нам сухарей, дала несколько луковиц. А главное адреса родных и знакомых. Оделись по зимнему, тогда шел снег и было очень холодно. С рюкзаками рано утром мы вышли из дома. На поезд сесть было невозможно, и мы пошли пешком по шпалам в горьковском направлении. С нами был друг С. Энтелиса – Олег Леонов. Прошли около 20 км, стемнело, и мы заночевали в стогу сена близ ж.д. пути.

Утром мы увидели, что на путях стоит товарный состав с платформами, груженными алюминиевыми чушками. Мы залезли на платформу, сложили чушки так, чтобы они защищали нас от ветра. Укрылись одеялами, и поезд тронулся. На следующее утро мы были в г. Горький. В этом городе я бывала и раньше в гостях у моего крестного отца – Лоттера Фридриха Карловича. Он был врачом, главным отоларингологом города. Во время мировой войны 1914г. он служил вместе с моим отцом в железнодорожном батальоне. И тогда никого не смущало, что он – немец (хотя и российский подданный) воюет против немцев. Но во время войны 1941г. его арестовали, как немецкого шпиона, а семью – жену (русскую) и сына-инженера Горьковского автозавода выслали в Казахстан. Мы пришли к ним в то время, когда они собирали вещи, грузили их на подводу, а затем в теплушку. Помогли им и остались в пустой квартире.

На следующее утро пошли на Волгу. Увидели, что пароходы вниз идут, но что там творилось! Сходни брали с боем. Толпа ревела, теряли вещи, детей. Мы попрыгали на пароход с набережной и очутились в трюме, набитом пассажирами. Вскоре пароход отчалил. У нас разгорелся спор: зачем мы едем в этот Саратов, нам нужно в Ашхабад. Давайте выйдем в Сызрани, сядем на поезд и поедem в Ашхабад. Так мы трое вышли в

Сызрани, а мой брат поехал в Саратов. Пришли к знакомым, нас отправили в баню, так как на пароходе на нас набросились вши. На следующее утро пошли на вокзал. Там просидели целый день и ни один поезд, идущий на восток, не остановился! Пошли на Волгу, сели на пароход и приехали в Саратов. Остановились у маминой двоюродной сестры.

Со студенческими билетами и зачетными книжками пошли в Университет и были зачислены студентами 4-го курса химфака СГУ. В стенах химфака располагалась эвакуированная из Москвы спецконтора «Нефтегазосъемка». Висело объявление – нужны лаборанты. Нас туда взяли. Работа была круглосуточной, мы старались работать в ночную смену, а днем ходили на лекции и работали в практикуме. «Нефтегазосъемка» Наркомнефти, который был приравнен Наркомату обороны, имела важное спецзадание – найти газовое месторождение и подвести газопровод к Москве. В Москве тогда газ получали на газовом заводе. Природный газ был очень нужен.

Сущность метода нефтегазосъемки состоит в том, углеводороды из газового пласта диффундируют из газового пласта к поверхности земли и их можно обнаружить в пробах воздуха, откаченного из земли с глубины около 1 м. Группа геологов во главе с Артемом Арамовичем Геодекяном предположила наличие газового месторождения в Саратовской области близ деревни Елшанка. На карте были обозначены точки, где следует отбирать пробы воздуха. В поле выезжала партия, которая ручным буром делала отверстия, из которых ручным насосом откачивали воздух в бутылки с раствором глауберовой соли. Эти бутылки привозили в лабораторию, где на приборах Подбильняка определяли содержание в воздухе метана, этана, пропана и более тяжелые фракции. Газ пропускали через ловушки, охлаждаемые жидким воздухом, воздух откачивали и делали дробную разгонку углеводородов. Так было открыто месторождение газа.

Однажды заведующая лабораторией привела троих парней в солдатских шинелях и сказала, что мы можем их использовать как помощников. Например, посылать за водой на Волгу и т.д. Среди них был Нусим Мотилевич Туркельтауб – научный сотрудник Львовского университета, который стал видным хроматографистом в Москве. Двое других были биологами, в будущем академиками Польской Народной республики. Интернированная из западной Украины армия была в качестве трудовой армии отдана в распоряжение Наркомата по строительству предприятий тяжелой индустрии для посторойки газопровода. Летом 1942г., когда немцы подошли к Сталинграду, было решено отправить эту армию в Омск. Наши парни пришли в лабораторию и сказали, что вероятно они скоро погибнут в Сибири. Я спросила, кто у них начальник. Ответ – Кормер. С ним я была хорошо знакома и попросила его отпустить этих трех солдат, так как они нужны в лаборатории. Так эти парни остались в Саратове. Туркельтауб вскоре женился на дочке саратовского профессора и остался трудником в «Нефтегазосъемке».

Я.М. - заведующий аспирантурой

В июне 1942г. я сдала госэкзамены, окончила химфак Саратовского университета и получила должность инженера. В ноябре 1942г. «Нефтегазосъемка» вернулась в Москву. Я продолжала там работать. Вместе со мной работала Ольга Кончеева, которая пригласила меня на свой день рождения. Когда я к ней пришла, она сказала: «Знакомься, это мой друг Яшка Колотыркин, он заведует аспирантурой в Карповском институте». Я сказала, что это – моя мечта!

Ну, что ж, готовьтесь, но учтите, что экзамен по физической химии очень серьезный, его принимают профессора Темкин и Жуховицкий.

И я взялась за толстого Раковского (было два курса физической химии Раковского: полный – «толстый» и сокращенный – «тонкий»). В апреле 1943г. я успешно сдала экзамены по физической химии, английскому языку и марксистско-ленинской философии. После собеседования с научным руководителем Института А.Н. Фрумкиным была зачислена в аспирантуру с 15 мая 1943г. Так исполнилась моя (и моего отца) мечта!

По совету Я.М. Колотыркина я пошла в лабораторию химической кинетики (ЛХК), руководимую М.И. Темкиным. Я.М. был тогда секретарем партбюро ВКП(б), по его рекомендации меня выбрали секретарем ячейки ВЛКСМ. Зимой 1943-44 и 1944-45гг. по воскресениям аспиранты во главе с Я.М. ходили на лыжах. Мы ехали в Сокольники и там на спортбазе МГУ брали напрокат ботинки и лыжи, шли в лес. Я.М. был тогда холост, он жил на территории Института, занимая комнату в квартире Филипповичей. В 1939г. зам. директора Филиппович был арестован, семью уплотнили, и там поселился Я.М. Хотя он был сугубо партийным товарищем, он любил поэзию. Знал наизусть и читал нам стихи Блока. Его любимое стихотворение «На железной дороге».

В 1944г. в СССР из эмиграции вернулся А.Н. Вертинский. Он пел в клубах. Я была на его концертах в клубе Каучук и клубе Кухмистерова (теперь театр Н.В. Гоголя). Мне очень нравились его романсы и манера исполнения. Поэтому, когда услышала, что он будет петь в Доме ученых, я стала думать, кого бы из членов Дома ученых попросить купить мне билет. Затруднять этой просьбой М.И. Темкина мне было неудобно и я обратилась к Я.М. Он спросил, очень ли я хочу попасть на этот концерт, и когда услышал, что очень, сказал, пожалуй он тоже сходит на концерт, так как его друг Жуховицкий во время их прогулок пел ему романсы Вертинского. Так я в третий раз побывала на концерте Вертинского и с кем – с секретарем партбюро!

А.Блок
На железной дороге

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих –
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул – и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что – давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно.

1910

Когда Я.М. стал директором Института и академиком, у нас сохранились дружеские, доверительные отношения. В 1988г. (еще до того, как М.И. Темкин попал под машину и был тяжело ранен) Я.М. вызвал меня к себе в кабинет. Он сказал, что он думает о будущем нашей лаборатории химической кинетики и не видит среди наших сотрудников ученого, способного заменить М.И. Темкина, которому скоро исполнится 80 лет. Поэтому он просит узнать у мужа и детей, которые работают в химических институтах АН СССР, не знают ли они молодого ученого, который захотел бы перейти в наш институт, поближе познакомиться с М.И. Темкиным, его работами, методами, перенять и в дальнейшем заменить М.И. Таким ученым, защитившим недавно докторскую диссертацию и стремящимся уйти от В.Б. Казанского (ИОХ), мне назвали Владислава Антоновича Швеца (однокашника по физтеху Ю.И. Кирюхина и И.И. Морозова – моего зятя). Я сказала Я.М. о Швеце, добавив, что он член КПСС. Они встретились, и Я.М. взял Швеца и нескольких его сотрудников, организовав сектор при отделе кинетики и катализа.

Однако творческого контакта Темкина и Швеца не получилось! Швеца не интересовала кинетика сложных каталитических реакций. Он увлекался обнаружением и исследованием физическими методами промежуточных форм, адсорбированных на каталитических поверхностях. И слияния сектора Швеца с ЛХК не произошло. Поэтому, когда М.И. Темкин перешел в консультанты, он рекомендовал Я.М. назначить заведующим ЛХК А.К. Аветисова. По совету Я.М. я со своей группой перешла к Швецу, сохранив тематику: исследование кинетики жидкофазных каталитических реакций, связанных с производством капролактами. После этого сектор исследования поверхностных форм при катализе был преобразован в лабораторию. Ученый совет утвердил Швеца заведующим лабораторией. Эта лаборатория просуществовала с 01.11.89 до смерти Швеца 18.09.91. Его сотрудники разошлись по разным учреждениям. Я со своей группой вернулась в ЛХК.

Еще раз обратился ко мне Я.М. с просьбой выступить на заседании комиссии, проверяющей деятельность Колотыркина с целью снятия его с поста директора Института, который он занимал более 35 лет! Кому это было нужно? «Органам», которые не простили Я.М. - председателю комиссии по расследованию дела о «голубой крови», его честных выводов, не совпавших с выводами «органов». На комиссии я рассказала, как Я.М. заботится об Институте, как хорошо организует работу лабораторий, заслушивая на заседаниях Дирекции отчеты заведующих лабораториями и старших научных сотрудников в присутствии всех заинтересованных лиц, представителей мастерских Института. Делалась объективная оценка работы, возникшие проблемы и пути их решения. Я.М. беспокоился о здоровье сотрудников Института: силами Института был отремонтирован корпус санатория им. С. Орджоникидзе в Кисловодске, и Институт ежегодно получал 54 путевки в Кисловодск. Была построена турбаза в Тишкове, где почти бесплатно отдыхали сотрудники с семьями.

В заключение отмечу, что для Якова Михайловича характерна воля к победе! Будь то победа над болезнью (а ему пришлось в 1986г. перенести 3 полостных операции) или над интригами, приносящими вред его любимому детищу – Физико-химическому институту им. Л.Я. Карпова!

«Меньше терзают вас боли и муки,
Если вы крепче берете их в руки!»

Перевод С.Я. Маршака из Йована Йовановича-Змая